

В. Е. Данилевичъ.

10. IV.
472

Къ біографіи В. Н. Каразина.

Отзывъ о книгѣ г. Н. Тихаго „В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. К. 1905 г.“ и о рукописныхъ приложеніяхъ къ ней.

Люди сами дѣлаютъ свою исторію, но они дѣлаютъ ее не произвольно, не при свободно избранныхъ, а при непосредственно данныхъ, унаслѣдованныхъ условіяхъ.

К. Марксъ. Собраніе историческихъ работъ, стр. 143.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., д. № 19.
1907.

138
S/H

100

100

100

В. Е. Данилевичъ.

~~10. V.~~
~~472~~

1934.7

Къ біографіи

В. Н. Каразина.

2/
1908

88

Отзывъ О книгѣ г. Н. Тихаго „В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. К. 1905 г.“ и о рукописныхъ приложеніяхъ къ ней.

Люди сами дѣлають свою исторію, но они дѣлають ее не произвольно, не при свободномъ избраннѣхъ, а при непосредственно данныхъ, унаслѣдованныхъ условіяхъ.

К. Марксъ. Собраніе историческихъ работъ, стр. 143.

V40

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА
№ 265988

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., д. № 19.
1907.

45
7984

Проверено
1939

08

58

10.1
475

В. Е. ДАНИЛОВ

К. С. ОБОЛДОВ

В. Н. КАВАЗИНА

ОТДЕЛ О. КНИГ. В. Н. КАВАЗИНА. П. 1. КНИЖ.
И ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА. В. 1908. П. 1. О. ДАНИЛОВ
И. ДАНИЛОВ. П. 1. КНИЖ.

В. Н. КАВАЗИНА. П. 1. КНИЖ.
И ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА. В. 1908. П. 1. О. ДАНИЛОВ
И. ДАНИЛОВ. П. 1. КНИЖ.

В. Н. КАВАЗИНА. П. 1. КНИЖ.
И ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА. В. 1908. П. 1. О. ДАНИЛОВ
И. ДАНИЛОВ. П. 1. КНИЖ.

КАВАЗИНА

В. Н. КАВАЗИНА. П. 1. КНИЖ.
И ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА. В. 1908. П. 1. О. ДАНИЛОВ
И. ДАНИЛОВ. П. 1. КНИЖ.

10.1
475

Изученіе историческаго процесса достаточно выяснило, какую роль играетъ въ немъ отдѣльная личность. Въ связи съ этимъ современная историческая наука выдвинула рядъ требованій, которымъ должны удовлетворять изслѣдованія о жизни и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Мы теперь знаемъ, что „люди сами дѣлаютъ свою исторію, но они дѣлаютъ ее не произвольно, не при свободно избранныхъ, а при непосредственно данныхъ, унаслѣдованныхъ условіяхъ“¹⁾. Изучать біографію какого-либо лица изолированно, внѣ тѣхъ условій, при которыхъ протекали его жизнь и дѣятельность, столь же невозможно, какъ заниматься изученіемъ жизни растений или животныхъ внѣ родной имъ обстановки. Только при соблюденіи этого условія историко-біографическій трудъ пріобрѣтаетъ научное значеніе. Но изъ этого слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ подобныхъ изслѣдованіяхъ нельзя ограничиваться однимъ фактическимъ описаніемъ жизни и дѣятельности изучаемаго лица. Такая біографія будетъ имѣть немного больше значенія, чѣмъ простой формулярный списокъ, и, подобно послѣднему, явится лишь матеріаломъ, требующимъ еще серьезной, научной переработки. Наша историческая литература весьма богата біографическими сочиненіями, изображающими жизнь и дѣятельность разныхъ высокихъ особъ, объ историческихъ заслугахъ которыхъ иначе могли бы и не знать. Но изъ числа этихъ книгъ лишь немногія могутъ быть отнесены къ числу серьезныхъ, научныхъ трудовъ, а большинство представляетъ весьма курьезное сочетаніе формулярныхъ списковъ съ панегириками. Научное изслѣдованіе въ нихъ замѣняется общими фразами и патетическими восклицаніями по поводу замѣчательныхъ подвиговъ тѣхъ лицъ, жизнь и дѣянія которыхъ изображаются въ нихъ.

Трудъ г. Тихаго, подлежащій разсмотрѣнію въ настоящемъ отзывѣ, состоитъ изъ печатной книги и четырехъ рукописныхъ приложений къ ней. Напечатанное изслѣдованіе г. Тихаго носитъ заглавіе „В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность“. Первоначально этотъ трудъ печатался на страницахъ журнала „Кіевская Старина“. Изъ рукописныхъ приложений только три имѣютъ особые заголовки: 1) Политическія воззрѣнія В. Н. Каразина и литература о нихъ; 2) Кручикъ теперь; 3) Исторія памятника В. Н. Каразина (1861—1903). Четвертое приложение не носитъ особаго заглавія, а снабжено оглавленіемъ, въ которомъ

¹⁾ К. Марксъ. Собраніе историческихъ работъ. Изданіе С. Скирмунта. Слб. 1906, стр. 143.

перечислены разряды научных трудов и литературных произведений В. Н. Каразина, разсматриваемых въ этой рукописи. Изъ этого видно, что рукописныя приложенія стоятъ въ непосредственной связи съ напечатаннымъ произведеніемъ г. Тихаго, представляя дополненія къ нему. Такимъ образомъ, изслѣдованіе автора въ цѣломъ относится къ числу историко-біографическихъ трудовъ.

Напечатанное изслѣдованіе г. Тихаго распадается на 13 главъ. Кромѣ того, въ приложеніи даны: генеалогическая таблица Каразиныхъ, списокъ источниковъ и пособій, указатель сочиненій В. Н. Каразина въ хронологическомъ порядкѣ и хронологическій же перечень частной переписки его.

Въ первой главѣ авторъ останавливается прежде всего на спорномъ вопросѣ о происхожденіи В. Н. Каразина, при чемъ высказывается за „болгарское происхожденіе рода Каразиныхъ“. Остальная часть главы посвящена біографіи и характеристикѣ Н. А. Каразина, отца Василія Назаровича. Вторая глава изслѣдованія, озаглавленная „Первые шаги“, охватываетъ періодъ жизни В. Н. Каразина съ 1783 по 1801 г. Авторъ говоритъ здѣсь о воспитаніи Василія Назаровича, пребываніи его на военной службѣ и стараніяхъ пополнить образованіе, его отставкѣ и бѣгствѣ за границу, послѣдовавшемъ вслѣдствіе этого арестѣ и вступленіи въ гражданскую службу, положеніи въ петербургскомъ обществѣ и занятіяхъ по исторіи медицины и финансовъ въ Россіи. Третья глава, имѣющая заголовокъ „Возвышеніе“, охватываетъ только 2 года жизни и дѣятельности Каразина—1801 и 1802 гг. Упомянувъ о перемѣнѣ царствованія, авторъ кратко характеризуетъ настроеніе всего русскаго общества и въ частности В. Н. Каразина въ этотъ моментъ и въ связи съ этимъ переходитъ къ извѣстной запискѣ послѣдняго. Охарактеризовавъ содержаніе записки и впечатлѣніе, произведенное ею на Александра I, авторъ разсматриваетъ достовѣрность разсказовъ о „случаѣ“ Каразина и даетъ обзоръ дѣятельности послѣдняго въ качествѣ близкаго къ императору лица. При этомъ онъ подробнѣе останавливается на роли Каразина въ созданіи министерства народнаго просвѣщенія и въ должности правителя дѣлъ комиссіи и главнаго правленія училищъ. Четвертая глава вся посвящена хлопотамъ В. Н. Каразина въ 1802—1804 гг. по учрежденію университета въ Харьковѣ. Въ пятой главѣ, носящей заглавіе „Паденіе“, авторъ говоритъ главнымъ образомъ о событіяхъ 1803—1804 гг. Сначала онъ останавливается на дѣлѣ о коллекціи эстамповъ Аделунга, такъ какъ покупка этого художественнаго собранія причинила много непріятностей Каразину и считается нѣкоторыми учеными причиной его паденія. Изложивъ дѣло о посылкѣ партіи ремесленниковъ въ Харьковъ, авторъ говоритъ о занятіяхъ Каразина въ комитетѣ по дѣламъ Харьковского университета, его отставкѣ, устраненіи отъ университетскихъ дѣлъ и причинахъ этого. Вторая часть этой главы трактуетъ о проектѣ освобожденія Сербіи, свя-

зяхъ Каразина съ Харьковскимъ университетомъ послѣ отставки, его виѣслужебныхъ занятіяхъ въ періодъ 1801—1804 гг., открытіи Харьковскаго университета и отношеніи общества къ Каразину послѣ его отставки. Шестая глава, озаглавленная „Эмансипаторская дѣятельность“, посвящена главнымъ образомъ устройству быта крестьянъ въ имѣніяхъ Каразина и говоритъ преимущественно о событіяхъ 1805—1807 гг. Охарактеризовавъ результаты этой дѣятельности, авторъ останавливается въ концѣ главы на перепискѣ Каразина, излагаетъ его письма къ Александру I въ 1805—1808 гг. и печальныя послѣдствія этихъ писемъ для ихъ автора. Въ седьмой главѣ авторъ описываетъ дѣятельность Каразина въ области „домоводства“, хлопоты по учрежденію Филотехническаго общества, труды по этому обществу, отношеніе интеллигенціи къ этому предпріятію и причины неуспѣха его. Такимъ образомъ, эта глава охватываетъ періодъ дѣятельности Каразина съ 1810 по 1819 гг., и только въ концѣ ея авторъ нѣсколько выходитъ за эти хронологическія рамки. Глава восьмая, носящая заглавіе „Дѣятельность виѣ заботъ по Филотехническому обществу“, хронологически совпадаетъ съ предшествующей и даетъ краткій очеркъ научныхъ занятій Каразина и его участія въ общественной дѣятельности. Заканчивается она исторіей съ рѣчью Каразина въ Обществѣ любителей русской словесности. Девятая глава, названная авторомъ „Политическіе проекты“, въ сущности посвящена запискамъ Каразина 1819—1820 гг., въ особенности его извѣстной запискѣ 1820 г., и заключенію Каразина въ Шлиссельбургскую крѣпость. Изложенію указанныхъ событій въ жизни В. Н. Каразина авторъ предпосылаетъ въ этой главѣ краткій очеркъ политики правительства во вторую половину царствованія Александра I, при чемъ онъ характеризуетъ также настроеніе петербургскаго общества и въ частности В. Н. Каразина въ это время. Десятая глава, имѣющая заголовокъ „Опала“, говоритъ о жизни Каразина послѣ освобожденія его изъ Шлиссельбургской крѣпости и охватываетъ время съ 1821 по 1831 г., а въ одиннадцатой главѣ авторъ описываетъ послѣдніе годы (1831—1842) жизни и дѣятельности Каразина. Глава двѣнадцатая, носящая заглавіе „Нравственная личность В. Н. Каразина“ и помѣченная 1842 годомъ, заключаетъ всего 13 страницъ. Въ ней авторъ говоритъ о благотворительности и добрыхъ свойствахъ души Каразина, любви къ нему крестьянъ и указаніяхъ на его недостатки, послѣднемъ годѣ жизни и смерти его, отношеніи общества къ послѣднему событію и характерѣ дѣятельности Каразина. Матеріалъ, заключающійся въ этой главѣ, хронологически относится не къ одному 1842 году. Глава тринадцатая говоритъ о могилѣ и портретахъ Каразина и оканчивается небольшимъ заключеніемъ, въ которомъ авторъ пытается выяснитъ результаты и значеніе дѣятельности В. Н. Каразина. Таково содержаніе печатнаго труда г. Тихаго.

Приведенный обзоръ содержанія работы г. Тихаго даетъ вполнѣ точное представленіе о томъ планѣ, по которому расположилъ авторъ

свое изслѣдованіе. Онъ избралъ наиболѣ простой и легкій планъ—хронологическій, при которомъ явленія разсматриваются не по внутренней связи между ними, а по чисто внѣшнему признаку—отношенію ихъ къ одному и тому же періоду времени. При такомъ способѣ изложенія утрачивается всякая возможность выяснитъ настоящій характеръ и значеніе изучаемыхъ явленій, такъ какъ они оторваны другъ отъ друга. Между тѣмъ отъ изслѣдованія, подобнаго труду г. Тихаго, мы имѣемъ полное основаніе ожидать именно строго научнаго выясненія дѣятельности и личности изучаемаго имъ дѣятеля. Поэтому вполне естественно требовать отъ автора подобной работы такихъ главъ или, по крайней мѣрѣ главы, какъ государственная, общественная и научная дѣятельность В. Н. Каразина. Правда, можно подумать, что съ личностью Каразина въ изслѣдованіи г. Тихаго дѣло обстоитъ нѣсколько лучше и она выяснена полнѣе, чѣмъ дѣятельность Каразина. Но достаточно взглянуть на подзаголовки XII главы, чтобы понять, какъ узко понялъ авторъ свою задачу. Прежде всего и эта глава нисколько не нарушаетъ хронологическаго порядка въ изслѣдованіи г. Тихаго, такъ какъ къ ней отнесены смерть В. Н. Каразина и отношеніе общества къ этому событію. Остальная часть главы посвящена главнымъ образомъ добрымъ качествамъ души Каразина, но въ ней мы не находимъ ни звука ни о социальнo-политическихъ идеалахъ Каразина, ни объ его этическомъ обликѣ, кромѣ „добрыхъ свойствъ души“. Между тѣмъ изслѣдователь можетъ вполне выяснитъ личность своего героя только въ томъ случаѣ, если онъ разсмотритъ ее всесторонне, не ограничиваясь одними хорошими качествами. Такимъ образомъ, мы считаемъ планъ, проведенный въ работѣ г. Тихаго, недостаточно полнымъ и не вполне удовлетворительнымъ для современнаго историко-біографическаго изслѣдованія.

Кромѣ указаннаго недостатка, отразившагося на всемъ изслѣдованіи г. Тихаго, мы должны отмѣтитъ еще два дефекта, которые невыгодно отзываются на научныхъ достоинствахъ его труда. Повидимому, г. Тихій вполне признаетъ, что личность сама по себѣ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ историческомъ процессѣ. Условія, среди которыхъ живетъ и дѣйствуетъ данный индивидуумъ, и среда, къ которой онъ принадлежитъ и въ которой онъ дѣйствуетъ, вполне опредѣляютъ не только характеръ и направленіе его дѣятельности, но и конечные ея результаты. Но въ то же время каждая личность имѣетъ свои индивидуальныя особенности, которыя и отражаются на ея дѣятельности. Вслѣдствіе этого изучитъ жизнь и дѣятельность В. Н. Каразина, какъ и всякаго другого лица, можно только въ связи съ указанными нами данными. Только въ такомъ случаѣ выяснятся тѣ индивидуальныя черты, которыя отличаютъ личность и дѣятельность Каразина отъ его современниковъ. Съ другой стороны, при этомъ условіи опредѣлится также вліяніе среды на личность и дѣятельность Каразина. Дѣйствительно, г. Тихій иногда дѣлаетъ небольшіе

экскурсы въ область русской исторіи начала XIX столѣтія и отмѣчаетъ вліяніе современныхъ условій и среды на В. Н. Каразина и его дѣятельность: съ такой замѣтки начинается III глава, замѣчанія подобнаго же рода мы видимъ также въ IV, V, VI, VII и IX главахъ. Но, къ сожалѣнію, такія замѣтки относятся къ немногимъ эпизодамъ изъ жизни В. Н. Каразина, а въ большинствѣ случаевъ дѣятельность Каразина изучается внѣ условій и явленій современной ему жизни. Весьма возможно, что это обстоятельство стоитъ въ связи съ той задачей, которую преслѣдуетъ въ своемъ изслѣдованіи авторъ. Черезъ весь его трудъ проходитъ красной нитью стремленіе оправдать В. Н. Каразина и изобразить его въ наилучшемъ освѣщеніи съ теперешней точки зрѣнія, хотя задача историка не имѣетъ ничего общаго ни съ ролью адвоката, ни съ ролью прокурора. Если авторъ объективно изучилъ личность и дѣятельность Каразина и опредѣлилъ его мѣсто и значеніе въ русскомъ обществѣ начала XIX столѣтія, то этимъ вполне закончена его задача. Мѣрять же дѣятеля первой половины XIX столѣтія на теперешній ладъ совершенно бесполезно, такъ какъ современные намъ понятія и понятія временъ Каразина—слишкомъ несоизмѣримыя величины. Таковы недостатки, общіе всему изслѣдованію г. Тихаго. Перейдемъ теперь къ частнымъ замѣчаніямъ относительно труда г. Тихаго, такъ какъ при этомъ лучше выяснится, насколько указанные нами общіе недостатки отразились на научныхъ результатахъ этого изслѣдованія. При этомъ мы позволимъ себѣ отступить отъ хронологическаго порядка изложенія, принятаго авторомъ, и разобьемъ свои замѣчанія на нѣсколько общихъ рубрикъ, оставаясь, какъ и раньше, въ предѣлахъ печатнаго труда его.

Мы уже указали, что дѣятельность В. Н. Каразина авторомъ излагается въ хронологическомъ порядкѣ. Если это затрудняетъ характеристику его общественной и государственной дѣятельности, то еще печальнѣе отзывается подобный порядокъ изложенія на изученіи научныхъ занятій Каразина. При этомъ авторъ, говоря о научной дѣятельности Каразина, совершенно забываетъ отмѣтить, былъ ли Каразинъ пионеромъ въ той или другой области, или въ Россіи того времени имѣлись и другіе работники на томъ же поприщѣ. Въ послѣднемъ случаѣ вполне естественно возникаетъ вопросъ о связи работъ Каразина по извѣстному вопросу съ трудами по тому же вопросу его предшественниковъ и современниковъ. Съ другой стороны, въ связи съ этимъ выдвигается также вопросъ о томъ, какія причины заставили Каразина заняться тѣмъ или другимъ предметомъ. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ, использовавшій вообще весьма добросовѣстно имѣвшійся въ его распоряженіи матеріалъ, даетъ вполне опредѣленные отвѣты на послѣдній вопросъ, то на первые вопросы, поставленные нами, мы не находимъ отвѣтовъ въ разбираемомъ изслѣдованіи. Между тѣмъ научная дѣятельность Каразина была обширна и разнообразна. Она затрагивала множество такихъ вопросовъ, которые интересовали не одного лишь

Каразина. Такъ, въ 1809-10 г.г. Каразинъ¹⁾ „занимался выработкой новыхъ способовъ добыванія селитры“ (148), а въ 1810 г. Вольно-Экономическому обществу было Высочайше повелѣно объявить задачу: „составить на русскомъ языкѣ самое простое... наставленіе, какъ... добывать селитру, съ описаніемъ всѣхъ нужныхъ для этого матеріаловъ,... съ подробными расчетами, такъ, чтобы... можно было устраивать селитряные заводы...“²⁾. Правда, авторъ отмѣчаетъ, что при учрежденіи Филотехническаго общества Каразинъ воспользовался извѣстными ему образцами. Но въ то же время онъ не считаетъ нужнымъ прослѣдить отношеніе между дѣятельностью Каразина въ періодъ функционированія Филотехническаго общества и трудами сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ обществъ Россіи. Между тѣмъ такое общество, какъ Вольно-экономическое, издавна занималось тѣми вопросами, которые Каразинъ включалъ въ понятіе «домоводства», при чемъ въ изданіяхъ его мы видимъ и статьи по различнымъ вопросамъ сельского хозяйства и сообщенія многочисленныхъ провинціальныхъ корреспондентовъ объ ихъ опытахъ и открытіяхъ³⁾. Только по выясненіи указанныхъ нами вопросовъ изученіе научной дѣятельности В. Н. Каразина дастъ возможность сдѣлать вполне точное заключеніе, какое мѣсто занимаетъ Каразинъ въ научномъ движеніи начала XIX столѣтія. А пока авторъ предоставляетъ читателю додумываться самому, былъ ли Каразинъ единственнымъ въ своемъ родѣ ученымъ въ Россіи, или его научная дѣятельность стоитъ въ генетической связи съ предшествующимъ развитіемъ русской науки, съ одной стороны, и съ современными Каразину условіями жизни и состояніемъ науки, съ другой. При этомъ такая постановка вопроса имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что въ наукѣ отмѣчаются признаки развитія денежнаго хозяйства въ XVIII и первой половинѣ XIX ст. въ Россіи. Въ числѣ отличительныхъ чертъ этого періода хозяйства наиболѣе типичными для Россіи являются: замѣна барщины оброкомъ, развитіе обрабатывающей промышленности и преобладаніе трехпольной системы хозяйства⁴⁾. Описывая устройство быта крестьянъ въ имѣніяхъ Каразина, авторъ привелъ данныя, свидѣтельствующія о томъ, что Каразинъ собиралъ со своихъ крестьянъ оброкъ и этой формѣ хозяйственной эксплуатаціи труда оказывалъ несомнѣнное предпочтеніе

1) Какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ послѣдующихъ ссылки на изслѣдованіе г. Тихаго мы обозначаемъ курсивными цифрами въ скобкахъ, при чемъ помѣщаемъ ссылки въ текстѣ нашего отзыва.

2) А. И. Ходневъ. Исторія Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества съ 1765 до 1865 г. Спб. 1865, стр. 336.

3) А. И. Ходневъ, ор. с., главы IV—X, а также „Труды Вольнаго Экономическаго Общества“ и прилагаемая къ послѣднимъ „Записки дѣяній Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества“ за 1801—1819 г.г.

4) Н. А. Рожковъ. Городъ и деревня въ русской исторіи. Спб. 1902, стр. 52—67. Крестьянскій строй. Т. I. Спб. 1905, стр. 196—197 (статья В. И. Семевского).

(111—113). Вмѣстѣ съ тѣмъ Каразинъ, подобно многимъ русскимъ помещикамъ, старался увеличить доходность своихъ имѣній устройствомъ заводовъ, и въ Кручикѣ мы видимъ кожевенный заводъ, лабораторію по селитроваренію (селитряный заводъ?) и винокуренный заводъ (159—160). Не можетъ быть и рѣчи о томъ, что въ имѣніяхъ Каразина примѣнялись во всякомъ случаѣ улучшенныя системы хозяйства, такъ какъ онъ относился весьма отрицательно къ первобытнымъ способамъ обработки земли, которые еще сохранялись во многихъ мѣстахъ въ его время¹⁾. Но развитіе денежнаго хозяйства заставляетъ землевладѣльца не ограничиваться производствомъ на ограниченный рынокъ и вынуждаетъ его все болѣе и болѣе развѣивать рамки своего хозяйства и примѣнять новыя приемы для увеличенія доходности имѣнія. Понятно, тѣ же причины заставляютъ производителей соединяться вмѣстѣ, чтобы общими усиліями лучше приспособиться къ современнымъ экономическимъ условіямъ. Отсюда возникаетъ потребность въ образованіи различныхъ сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ товариществъ и компаній, а затѣмъ и соответственныхъ ученыхъ обществъ. Такимъ образомъ самъ собою выдвигается вопросъ, не было ли какой-либо внутренней связи между учрежденіемъ Филотехническаго общества и современными экономическими условіями. Лучшее всего можно это выяснить, если пересмотрѣть относящіяся къ данному вопросу произведенія Каразина. Сдѣлавъ очеркъ сельскаго хозяйства и промышленности въ современной Россіи, онъ приходитъ къ выводу, „что доходы, основанные на хозяйствѣ предковъ нашихъ, недостаточны для удовлетворенія день ото дня возрастающихъ нашихъ издержекъ“²⁾. А потому духъ „промышленности, усилія ума, дѣлаются уже необходимыми, отчасти, чтобы остановить истребленіе естественныхъ нашихъ богатствъ, отчасти, чтобы вознаградить ихъ и искусственно возвысить упдающую цѣну края“. Но достигнуть этого можно только „соединенными силами“, а потому естественно, что Каразинъ предложилъ своимъ землякамъ основать Филотехническое общество, такъ какъ „во всѣхъ земляхъ сословія, учрежденныя въ пользу наукъ, торговли, земледѣлія, и другія подобныя признаются средствомъ возбуждать и поддерживать соревнованіе“³⁾. Такимъ образомъ, данныя, извлеченныя нами какъ изъ труда г. Тихаго, такъ и изъ произведеній В. Н. Каразина, даютъ возможность заключить, что дѣятельность Каразина вытекала изъ современныхъ ему условій русской жизни. Конечно, мы не станемъ подробно останавливаться на данномъ вопросѣ, такъ какъ имѣли цѣлью на этомъ примѣрѣ выяснить тѣ требованія, которыя мы предъявили къ авторамъ историко-біографическихъ изслѣдованій. Поэтому, оставивъ

1) Извѣстіе о Филотехническомъ обществѣ. Харьковъ. 1811, стр. 2—7.

2) Ibid, стр. 6—7.

3) Ibid, стр. 9.

4) Ibid, стр. 9—11.

въ сторонѣ вопросъ о тѣхъ индивидуальных особенностяхъ, которыя проявились въ дѣятельности В. Н. Каразина, мы перейдемъ къ другимъ замѣчаніямъ о трудѣ г. Тихаго.

Для выясненія личности В. Н. Каразина авторъ даетъ очень много данныхъ, такъ какъ въ различныхъ частяхъ своего изслѣдованія приводитъ выдержки изъ весьма цѣнныхъ матеріаловъ, прекрасно характеризующихъ социальнo-политическіе идеалы и этическій обликъ изучаемаго имъ дѣятеля (29—31, 108—141, 189—192 и т. д.). Къ сожалѣнію, научныхъ выводовъ изъ этого матеріала авторъ не сдѣлалъ, ограничившись патетическими восклицаніями или полемическими замѣчаніями, имѣющими цѣлью представить Каразина въ наилучшемъ свѣтѣ съ теперешней точки зрѣнія. Конечно, онъ не достигъ указанной цѣли и только напрасно вредить тому впечатлѣнію, которое производитъ его трудъ. При этомъ подобныя замѣчанія автора иногда поражаютъ своей наивностью. Такъ, изложивъ въ IV главѣ мѣропріятія Каразина по устройству быта своихъ крестьянъ, авторъ восклицаетъ: „для насъ теперь кажутся странными нападки современниковъ и біографовъ Каразина на его „крѣпостничество“ (135, *ср. также прим. 2*). Конечно, подобныя восклицанія теперь никого не убѣдятъ, тѣмъ болѣе что въ произведеніи автора приведенъ рядъ данныхъ (хотя бы стр. 110—118, 192), свидѣтельствующихъ о взглядахъ Каразина на крѣпостное право. Да и въ сочиненіяхъ Каразина можно найти доказательства того, что онъ не желалъ уничтоженія крѣпостного права, а только стремился смягчить его, занимая такимъ образомъ среднее мѣсто между консерваторами и либералами ¹⁾. При чемъ приведенное мнѣніе автора тѣмъ болѣе поразительно, что оно противорѣчитъ взглядамъ самого Каразина, являвшагося однимъ изъ идеологовъ крѣпостного права. „Видя, что я не приобретаю никакой личной пользы отъ выполненія такъ называемаго крѣпостного права надъ моими людьми, пишетъ Каразинъ въ своемъ „Практическомъ защищеніи“, можетъ быть, выведете слѣдствіе, что я имъ и отнюдь не уважаю. Нѣтъ... это право, поставляющее преграду для необузданной вольности, весьма драгоцѣнно въ моихъ глазахъ“ ²⁾. Самое уничтоженіе крѣпостного права онъ почиталъ „освобожденіемъ... изъ мнимой неволи“ и думалъ, что въ российскихъ законахъ по этому вопросу не нужно производить перемѣнъ, а только изложить „ихъ устами челоѣколюбія“ ³⁾. Всѣ эти данныя мы привели не съ цѣлью обвинить или оправдать Каразина, такъ какъ мы думаемъ, что подобныя задачи не могутъ входить въ кругъ обязанностей историческаго изслѣдователя. Для насъ очевидно, что Каразинъ былъ носителемъ идей

¹⁾ Каразинъ. Практическое защищеніе противъ иностранцевъ (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древ. Рос., 1861, кн. III, стр. 139—143, 160—161, 174—176). В. И. Семеновскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. Т. I. Спб. 1888, стр. 369—378.

²⁾ Практическое защищеніе, стр. 160.

³⁾ Ibid, 175—176.

той среды, къ которой принадлежалъ, а потому винить его или оправдывать въ этомъ — совершенно излишне. Къ какой же средѣ принадлежалъ онъ? Какъ извѣстно изъ его біографіи (1—14), онъ вышелъ изъ дворянской помѣщичьей семьи, а эта среда уже была втянута въ круговоротъ развивавшагося капиталистическаго строя. Поэтому естественно, что идеологія Каразина, соотвѣтственно родной средѣ, представляла смѣсь понятій феодальныхъ съ буржуазными. Указанными причинами вполне объясняется, почему онъ являлся умѣреннымъ крѣпостникомъ и консерваторомъ. Конечно, оставаясь таковымъ всю свою жизнь, Каразинъ по нѣкоторымъ соціально-политическимъ вопросамъ измѣнялъ свои взгляды, но это далеко не всегда отражалось замѣтнымъ образомъ въ его произведеніяхъ.

Вопросъ объ этическихъ воззрѣніяхъ Каразина нельзя считать достаточно разработаннымъ въ изслѣдованіи г. Тихаго. Онъ ограничивается по этому поводу или патетическими восклицаніями, или апологетическими замѣчаніями (14, 55, 81, 87—88, 96, 210, 219, 222—224, 225), но не даетъ научнаго анализа сообщаемыхъ имъ данныхъ о нравственномъ обликѣ Каразина (*кроме перечисленныхъ сейчасъ страницъ, также 72, 74, 79, 83, 84, 101, 190, 215—216, 233, 282 и др.*). Между тѣмъ даже тотъ матеріалъ, которымъ воспользовался авторъ, позволяетъ заключить, что этическія воззрѣнія Каразина не отличались ни достаточной опредѣленностью, ни устойчивостью. Имѣя склонность къ сервилizmu, чѣмъ отличались многіе представители современнаго ему дворянства и бюрократіи, Каразинъ былъ способенъ въ то же время высказать сильнымъ міра сего очень рѣзкую правду. Онъ возмущился требованіемъ Александра I назвать имена лицъ, съ которыми онъ „бесѣдовалъ по разнымъ вопросамъ“ (219), но въ то же время не считалъ предосудительнымъ 4 июня 1820 г. написать къ министру внутреннихъ дѣлъ свое извѣстное письмо о стихахъ Кюхельбекера и Пушкина ¹⁾. Всѣ эти вопросы требуютъ детальнаго изученія, такъ какъ иначе личность Каразина будетъ представляться въ совершенно невѣрномъ освѣщеніи. Этимъ закончимъ наши общія замѣчанія объ изслѣдованіи г. Тихаго и перейдемъ теперь къ частностямъ.

Прочитывая работу г. Тихаго, мы натолкнулись на нѣкоторыя противорѣчія въ положеніяхъ, выдвигаемыхъ авторомъ. Такъ, въ примѣчаніи на страницѣ 21 онъ говоритъ: „написать два тождественныхъ письма, хотя бы и одному лицу болѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли времени (14—30 авг.) едва ли возможно“. Между тѣмъ нѣсколько ниже мы видимъ нѣчто иное: „въ самомъ дѣлѣ, говоритъ г. Тихій, Каразинъ воспроизводилъ письмомъ

¹⁾ Сочиненія В. Н. Каразина, приготовленные къ изданію проф. Д. И. Багалевымъ, стр. 154—156. Приношу проф. Д. И. Багалю выраженіе искренней моей благодарности за любезное разрѣшеніе воспользоваться корректурными листами этихъ сочиненій.

къ имп. Павлу, воспроизводитъ то, что онъ чувствовалъ въ 1798 году, и о этихъ чувствахъ могъ, навѣрное, помнить хорошо“. Весьма трудно объяснить, какъ одно и то же лицо въ первомъ случаѣ не можетъ помнить въ теченіе двухъ недѣль содержанія письма, а во второмъ случаѣ черезъ большой промежутокъ времени оказывается помнящимъ очень хорошо отдѣльныя частности письма. Повидимому, это противорѣчіе въ утвержденияхъ г. Тихаго нужно отнести къ числу апологетическихъ приѣмовъ, столь излюбленныхъ въ его изслѣдованіи. Къ тому же разряду противорѣчій относятся и двѣ фразы на страницахъ 39—40. Въ одной изъ нихъ авторъ говоритъ: „насколько близко онъ стоялъ къ этому дѣлу, служить мнѣніе, что и самое названіе министерства принадлежитъ ему“. А въ примѣчаніи 1 о тѣхъ же Каразинѣ и министерствѣ народнаго Просвѣщенія сказано, что въ книгѣ Е. Шмида „цитируется споръ членовъ „комиссіи училищъ“, который совершенно исключаетъ возможность приписать теперешнее наименованіе министерства инициативѣ Каразина“. Ясно, что здѣсь не все обстоитъ благополучно. Если Каразинъ не игралъ никакой роли въ выработкѣ названія министерства, то и „мнѣніе“ объ этой роли не имѣетъ никакого значенія и нечего приводить его въ качествѣ доказательства. Если же авторъ ссылается на это „мнѣніе“, то ему надлежало бы опровергнуть противорѣчащія этому данныя Е. Шмида ¹⁾. Сюда же нужно отнести неодинаковую квалификацію совершенно тождественныхъ поступковъ Каразина и Кочубея. Говоря о томъ, что Каразинъ передалъ Александру I письмо, полученное имъ отъ гр. Потоцкаго, г. Тихій признаетъ это только „нелактичностью“. Но когда гр. Кочубей отдалъ Сперанскому письмо Каразина, то это оказывается уже „возмутительнымъ поступкомъ“ (79, *пр.* 4; 81, *пр.* 3). Нѣтъ сомнѣнія, что для этически развитого человѣка подобныя дѣянія являются совершенно недопустимыми независимо отъ того, совершилъ ли ихъ Каразинъ или Кочубей. Но гораздо серьезнѣе для ученаго историка являются тѣ противорѣчія, которыми отличаются нѣкоторые утвержденія автора на страницахъ 85—99. Къ разсмотрѣнію ихъ и перейдемъ теперь.

На страницѣ 85 г. Тихій заявляетъ, что „главной, во всякомъ случаѣ ближайшей причиной устраненія В. Н. Каразина отъ дѣлъ, была покупка имъ эстамповъ и наемъ мастеровъ для университета“. Но на страницѣ 89 оказывается, что наемъ мастеровъ послужилъ только „ближайшимъ поводомъ къ отстраненію его (Каразина) отъ университетскихъ дѣлъ“. А на страницѣ 95 намъ говорятъ уже, что „не это обстоятельство было *причиной* удаленія Каразина отъ дѣлъ“. На 96—97 страницахъ картина мѣняется, и оказывается, что „одна важная причина—это самъ Василій Назаровичъ Каразинъ“. А нѣсколько ниже авторъ говоритъ, что г. Я. В. Абрамовъ „дастъ наиболѣе полное объясненіе“ причинъ разбираемаго

¹⁾ Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Спб. 1878, стр. 6—12.

имъ факта, и приводитъ безъ возраженій слѣдующую цитату изъ книги г. Абрамова: „причины охлажденія къ Каразину императора крылись какъ въ характерѣ самого Каразина, такъ и въ характерѣ Александра I, и наконецъ, въ положеніи Василя Назаровича среди лицъ, окружавшихъ Александра I въ эту эпоху“. Наконецъ, на страницѣ 99 оказывается, что „уходъ В. Н. Каразина со сцены официально-общественной дѣятельности“ былъ послѣдствіемъ „недоброжелательства къ Каразину начальствующихъ лицъ, воспользовавшихся нѣкоторыми недостатками его характера и охлажденіемъ къ нему непостояннаго императора Александра“. Какъ видно изъ приведенныхъ нами цитатъ, въ нихъ заключаются не только противорѣчія, но и весьма серьезныя неточности. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что авторъ не дѣлаетъ различія между причиной и поводомъ, хотя въ исторической наукѣ точно установлено различіе между этими двумя понятіями. Но этотъ фактъ легко понять, если вспомнить, что авторъ находитъ возможнымъ называть причиной охлажденія Александра I къ Каразину и устраненія послѣдняго отъ государственной и общественной дѣятельности. Въ настоящее время нѣсколько странно читать въ историческомъ трудѣ, что причинами подобнаго явленія могли быть „покупка эстамповъ“ и „наемъ мастеровъ“. Но авторъ такъ увлекся въ поискахъ причинъ интересующихъ его явленій, что вскорѣ забылъ о названныхъ фактахъ и взвалилъ всю вину на самого Каразина, котораго онъ такъ старательно оберегаетъ отъ всякихъ упрековъ въ другихъ частяхъ своего труда. Впрочемъ, вскорѣ появляются новыя причины, и въ помощь призывается даже г. Я. В. Абрамовъ, но тѣмъ не менѣе врядъ ли можно сказать съ увѣренностью, что же въ окончательномъ итогѣ признается авторомъ за причину паденія Каразина. Между тѣмъ онъ коротко и ясно установилъ бы причины изучаемаго имъ явленія, если бы постарался изслѣдовать его нѣсколько глубже и обратилъ вниманіе на тѣ среду и условія, среди которыхъ приходилось дѣйствовать Каразину. Припомнивъ природу абсолютизма и тѣсно связанныхъ съ нимъ бюрократіи и придворной камарилы и характеръ этихъ элементовъ общества, онъ легко и точно установилъ бы причины интересующаго его явленія. Лучшимъ доказательствомъ значенія указанныхъ условій является судьба умнаго и осторожнаго до крайности Сперанскаго.

Не можемъ не отмѣтить здѣсь нѣсколько некритическаго отношенія автора въ иныхъ случаяхъ къ своимъ матеріаламъ. Напримѣръ, говоря объ открытіи Харьковскаго университета, авторъ указываетъ, „что большинство общества не измѣнило своихъ отношеній къ Василю Назаровичу“ (106—107). Между тѣмъ въ доказательство этого положенія онъ цитируетъ два письма къ Каразину, изъ которыхъ первое требуетъ особенно строгой провѣрки, такъ какъ написано напыщеннымъ слогомъ, а второе свидѣтельствуетъ объ отношеніи къ Каразину только одного Московскаго университета. При такихъ обстоятельствахъ утвержденіе автора остается

гипотезой, требующей доказательствъ. Не можемъ мы также признать правильнымъ слишкомъ доверчивое отношеніе автора и къ тѣмъ анекдотамъ, которые разсказываютъ старожилы с. Кручика (11, 13). Народныя преданія, какъ извѣстно автору, представляютъ мутный историческій источникъ, и серьезному ученому нужно обращаться съ ними поосторожнѣе. Кстати, гипотеза автора, будто профессора Стойкевичъ и Филипповичъ приглашали Каразина въ свой кружокъ, ровно ничѣмъ не доказана (99).

Цитируя по Чирикову (231) описаніе того воззванія, которое было подброшено въ казармы Семеновскаго полка, авторъ не разобралъ выписку Чирикова и сдѣлалъ нѣсколько пропусковъ. Она гласитъ слѣдующее:

„Le papier horrible, ужасная бумага.

Изъ письма государю кн. Васильчикова.

Воззваніе, подброшенное въ казармы Семенов. полка, было написано на очень толстой бумагѣ въ родѣ пергамента, славянскимъ шрифтомъ. Это воззваніе было одно изъ самыхъ ярыхъ, гдѣ солдатамъ предлагалось убить государя и начальниковъ и выбрать изъ среды себя новыхъ офицеровъ, дабы измѣнить весь старый порядокъ и все передѣлать заново. — По собраннымъ Бартеневымъ свѣдѣніямъ узнали, что неизвѣстный челоѣкъ высокаго роста, съ черными волосами, одѣтый въ венгерку и съ толстою палкой въ рукахъ, ходилъ по многимъ полкамъ, бывалъ до того времени въ казармахъ и проповѣдывалъ свое воззваніе очень открыто, никѣмъ не тревожимый. Не смотря на всѣ усилія полиціи, онъ остался не найденнымъ“.

Точно также въ письмѣ Каразина къ Лелянову, напечатанномъ авторомъ по выпискамъ Чирикова на 290 страницѣ, имѣется рядъ пропусковъ и неточностей. Это письмо гласитъ слѣдующее:

„Село Кручикъ. 9 февр. 1833.

Удивляюсь вамъ, милостивый государь Иванъ Михайловичъ!.. Мало того, чтобы страннымъ поведеніемъ довести себя до такой надписи на повѣсткѣ, каковую вы получили 11 числа мая прошедшаго года; надобно еще заслужить и совершенное презрѣніе. Развѣ вы не засѣдатель отъ дворянства, а наемный слуга графини П. Петровичевой?... Что, если-бы высшее начальство это узнало! какъ вы думаете? Но я не хочу унижать себя жалобами. Напротивъ, къ вамъ собственно обращаюсь, и прошу васъ свести бѣдныхъ этихъ сторожей, которые денно и ночью мерзнуть на дворѣ, въ лѣсу, ни за что ни про что, проклиная виннаго и невиннаго. Ежели не сведете, то я стану жаловаться и все долженъ буду обнаружить. Что же касается до предположенія вашего вводить графиню во владѣніе, то знайте, что это ея бабья мечта, которая сбыться не можетъ: ибо Сенатскаго указа уничтожить нельзя, и гражданская палата сдѣлала уже постановленіе, по которому вѣроятно сего вечера, не позже, будете вы читать указъ въ земскій судъ.

Вашъ покорный слуга В. Каразинъ.

Р. С. Я взялъ сіе письмо отъ посланнаго, для того, чтобы сказать Вамъ, что указы за № 549-мъ въ земскій судъ, а 550-мъ въ опеку уже въ Богодуховѣ.

Богъ васъ проститъ во всемъ! только перестаньте бесполезно усиливаться дѣлать мнѣ зло. И поскорѣй распустите бѣдныхъ людей“.

Вообще, можно пожалѣть, что г. Тихій, стремившійся собрать все о жизни и дѣятельности В. Н. Каразина, слишкомъ кратко остановился на такомъ важномъ моментѣ въ жизни Каразина, какъ продажа его имѣнія. Въ бумагахъ Чирикова собрано много архивныхъ матеріаловъ по этому дѣлу, и лучше всего было бы издать ихъ въ приложеніи къ изслѣдованію г. Тихаго. Нѣкоторые документы, приводимые Чириковымъ, написаны самимъ Каразинымъ и даютъ весьма интересныя данныя для его характеристики. Такъ, весьма любопытна довѣренность, данная имъ Кручанскому поселянину Д. Я. Зайченку. Приводимъ ее здѣсь цѣликомъ.

„Данило Яковлевичъ!

Какъ отецъ семейства, дворянинъ и помѣщикъ, имѣю я, или впредь могу имѣть дѣла, которыя требуютъ моего у правительственныхъ особъ, или въ присутственныхъ мѣстахъ ходатайства. Но какъ я оное по моему положенію рѣдко предпринимать могу непосредственно и лично, то поручаю тебѣ дѣйствовать во всѣхъ таковыхъ случаяхъ вмѣсто меня самого. А именно, имѣть по дѣламъ моимъ ходженіе, выполняя отъ лица моего весь предписываемый закономъ обрядъ, подавая прошенія и другія бумаги, говоря судъ, слушая выписки и рѣшительныя опредѣленія, подписывая удовольствія и неудовольствія, взнося на апелляцію, куда слѣдовать будетъ, и прочее: словомъ замѣняя совершенно мое лицо. Въ чемъ я тебѣ вѣрю, и что по сему, законно, на основаніи моихъ тебѣ наставленій (которыя во всѣхъ особенной важности случаяхъ имѣешь ты долгъ требовать отъ меня на письмѣ и хранить въ свое оправданіе предо мною и моими наслѣдниками), ты впредь ни учинишь, я спорить и прекословить не буду, пребывая съ моимъ къ тебѣ уваженіемъ твоимъ усерднымъ доброжелателемъ. Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ, ст. сов. и кав., помѣщикъ Слободско-укр. губерніи, Богодух. уѣзда. Марта 6 дня 1823 года. Принадлежитъ Кручанскому поселянину Д. Я. Зайченку“¹⁾.

Нельзя не упрекнуть автора за его пристрастіе къ большимъ цитатамъ. Это напрасно увеличиваетъ объемъ книжки и не только не улучшаетъ изложенія ея, но, наоборотъ, затрудняетъ читателя необходимостью отыскивать въ большой цитатѣ самое существенное. Особенно недопустимы большія выдержки изъ печатныхъ пособій, какъ мы видимъ въ изслѣдованіи г. Тихаго на страницахъ: 18—19, 23—24, 32—33, 97, 251. Но нельзя

¹⁾ Харьковскій Историческій Архивъ. Бумаги Чирикова къ біографіи В. Н. Каразина.

согласиться также съ необходимостью цитировать въ текстѣ цѣлые документы, такъ какъ цѣлый документъ заключаетъ въ себѣ такія фразы и выраженія, которыя безъ ущерба для дѣла выпускаются даже въ печатныхъ сборникахъ матеріаловъ. Между тѣмъ г. Тихій на страницахъ 25, 35, 36 и 290 включаетъ въ текстъ документы безъ всякихъ пропусковъ. Даже черезчуръ большія цитаты изъ источниковъ скорѣе вредятъ, чѣмъ способствуютъ, цѣльности изложенія. Излишне дѣлать обширныя выписки изъ источниковъ даже въ примѣчаніяхъ, такъ какъ при такомъ способѣ цитированія иногда трудно установить, что собственно въ данной выдержкѣ должно подтверждать правильность мнѣній автора. Поэтому г. Тихій поступилъ бы много лучше, если бы ограничился самымъ существеннымъ въ тѣхъ обширныхъ выпискахъ изъ печатныхъ источниковъ, которыя мы находимъ въ его книгѣ на страницахъ: 101, 102, 105, 130, 235, 236, 237, 253, 254, 259, 278, 279, 280 и 281. Особенно же излишня выписка изъ „Русской Старины“ въ примѣчаніи 1 на страницѣ 245, такъ какъ она даже не относится къ темѣ его изслѣдованія. Вообще, склонность къ большимъ цитатамъ не представляетъ похвальнаго качества для всякаго автора, но иногда она можетъ навлечь на него весьма и весьма непріятныя нареканія не смотря на его добросовѣстность. Напримѣръ, авторъ пользуется работой о Каразинѣ г. Я. В. Абрамова и иногда ссылается на нее. Но на страницахъ 119—122, 212—213 и 225—227 авторъ дѣлаетъ дословныя или почти дословныя выписки изъ книжки г. Я. В. Абрамова ¹⁾, (но ссылокъ на нее здѣсь нѣтъ. Конечно, это обстоятельство легко понять, если вспомнить, какъ плоха корректура книги г. Тихаго,—даже весьма обширный списокъ опечатокъ мало помогаетъ дѣлу. Но отчасти виноваты и авторъ въ томъ, что не обратилъ должнаго вниманія на точность ссылокъ и правильное распредѣленіе ихъ въ книгѣ. Такъ, онъ дѣлаетъ ссылки не только въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, но и въ текстѣ (77, 110, 259, 260). Самыя ссылки не отличаются достаточнымъ однообразіемъ и не всегда правильны. Напримѣръ, книжки „Кіевской Старины“, на которыя онъ ссылается, онъ опредѣляетъ то № томовъ, то названіями мѣсяцевъ (59, 70, 71). Въ примѣчаніи 4 на страницѣ 90 совершенно отсутствуетъ указаніе на то, откуда заимствовалъ авторъ донесеніе отъ 19 апрѣля 1804 года. Кромѣ того, рядъ неправильныхъ ссылокъ и опечатокъ можно найти на страницахъ: 54, 59, 65, 77, 90, 91, 100, 125, 136, 142, 206, 223, 233, 234, 236, 237, 238, 282, 283, 289 и 296. Вообще, съ внѣшней стороны книга г. Тихаго производитъ впечатлѣніе нѣкоторой необработанности, будто бы инныя мѣста ея напечатаны съ черновыхъ набросковъ.

¹⁾ В. Н. Каразинъ. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова. Спб. 1891, стр. 61—63, 82—83 и 85—86.

До сихъ поръ мы занимались исключительно печатнымъ трудомъ г. Тихаго. Остановливаясь на немъ такъ долго, мы руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что авторъ, выпуская его въ свѣтъ, считалъ его, несомнѣнно, достаточно цѣльнымъ и законченнымъ для этого. А потому мы полагали своей обязанностью отмѣтить всѣ дефекты этого труда, независимо отъ содержанія рукописныхъ приложений, которыя пока недоступны для большинства читателей книги г. Тихаго.

Рукописная статья „Политическія воззрѣнія В. Н. Каразина и литература о нихъ“ заключаетъ 71 страницу и распадается на отдѣльные параграфы. Заголовки ихъ слѣдующіе: 1) Политическія сочиненія В. Н. Каразина. Литература о нихъ. 2) Характеръ политическихъ сочиненій и политическія воззрѣнія В. Н. Каразина. 3) Власть, ея происхожденіе и характеръ. 4) Система государственнаго управленія. Монархъ. 5) Правительство: Совѣтъ въ монархическомъ государствѣ. 6) Образъ дѣйствій правительства. 7) Статистическій департаментъ. 8) Подать. 9) Судъ. 10) Законъ. 11) Общественное мнѣніе. 12) Правленія съ народнымъ представительствомъ. 13) Дворяне и крестьяне. 14) Крѣпостное право (какъ понималъ его В. Н. Каразинъ и В. И. Семевскій). 15) Тѣлесныя наказанія. 16) Взглядъ на виѣшнюю политику. Сношенія съ иностранцами. 17) В. Н. Каразинъ-славянофилъ.

Какъ показываетъ содержаніе разсматриваемой статьи, авторъ имѣлъ въ виду пополнить одинъ изъ тѣхъ пробѣловъ, которые замѣчаются въ его печатномъ трудѣ. Онъ подробно использовалъ не только печатный, но частью и рукописный матеріалъ, при чемъ распредѣленіе его по рубрикамъ отличается достаточной полнотой. Конечно, можно было бы пожелать, чтобы авторъ дополнилъ свою статью такими параграфами, какъ административное устройство, права и обязанности подданныхъ, не говоря уже о болѣе мелкихъ рубрикахъ (духовенство, купечество, горожане). Но эти пробѣлы стоятъ въ связи съ общими дефектами этой статьи, а о нихъ мы скажемъ ниже. А тутъ мы должны отмѣтить еще, что распредѣленіе матеріала по параграфамъ требуетъ болѣе цѣльной и стройной системы, чѣмъ принятая авторомъ: въ сущности слѣдовало бы переставить большую часть его параграфовъ. Особенно страннымъ является присутствіе въ числѣ параграфовъ 17 параграфа, такъ какъ, по содержанію, онъ долженъ былъ бы войти въ составъ болѣе общаго 2 параграфа; но еще труднѣе понять, по какой причинѣ авторъ помѣстилъ его въ самомъ концѣ статьи. Кстати, заголовокъ настоящей статьи уже ея содержанія, такъ какъ авторъ коснулся нѣсколькихъ и социальныхъ воззрѣній В. Н. Каразина.

Переходя къ содержанію данной статьи, мы должны сказать, что больше всего творчества авторъ проявилъ въ 1 и во 2 параграфахъ, такъ какъ остальные части статьи представляютъ выписки изъ различныхъ произведеній В. Н. Каразина, изрѣдка прерываемыя связующими словами и фразами автора. Апологетическія замѣчанія, которыя такъ

характерны для его печатного труда, встрѣчаются рѣже и не носятъ столь наивнаго оттѣнка. Нельзя не отмѣтить 14 параграфа, который, какъ показываетъ его заголовокъ, имѣетъ полемическій характеръ. Но нельзя не сказать по правдѣ, что авторъ выдвигаетъ въ защиту своихъ положеній весьма бѣдный и односторонній научный аппаратъ, считая его тѣмъ не менѣе вполне достаточнымъ для опроверженія выводовъ В. И. Семевского, который оперируетъ въ своемъ трудѣ съ весьма обширнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ¹⁾. Если бы авторъ обратился также къ тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ новомъ трудѣ по этому вопросу В. И. Семевского, и сопоставилъ ихъ со своимъ матеріаломъ, то выводъ у него получился бы нѣсколько иной и имѣлъ бы больше научнаго значенія²⁾. Между тѣмъ онъ опирается на данныя, относящіяся къ В. Н. Каразину и его крестьянамъ, и не анализируетъ ихъ въ связи съ матеріалами о положеніи крестьянъ въ остальной Россіи, хотя тотъ же трудъ В. И. Семевского доставляетъ достаточно обильныя свѣдѣнія по этому вопросу. Да и свой собственный матеріалъ авторъ оставляетъ безъ достаточной критической оцѣнки, хотя въ приводимыхъ имъ свѣдѣніяхъ крестьянъ (о наказаніяхъ, составѣ думы и пр.) заключаются такія данныя, которыя надлежало бы строго проанализировать и сопоставить со словами В. Н. Каразина и указаніями другихъ лицъ о бытѣ его крестьянъ. При такомъ отношеніи къ матеріалу авторъ получилъ бы вполне точный выводъ по всѣмъ вопросамъ, которые затронуты въ разсматриваемой части его статьи: власть помѣщика въ идеѣ и на практикѣ, приложимость данныхъ учреждений къ современнымъ условіямъ крестьянскаго быта, сравнительныя преимущества или недостатки ихъ въ экономическомъ отношеніи. Конечно, указанный дефектъ въ статьѣ г. Тихаго является прямымъ результатомъ того характера, который онъ придалъ настоящему своему труду. Составивъ его исключительно изъ цитатъ, онъ совершенно отказался отъ научнаго анализа своего матеріала. Вслѣдствіе этого въ этой статьѣ мы не найдемъ какой-либо общей руководящей идеи, не увидимъ даже слабой попытки со стороны автора опредѣлить источники міровоззрѣнія В. Н. Каразина и выдѣлить наиболѣе индивидуальныя черты его. Вообще, онъ совершенно не перерабатываетъ своего матеріала. Его работа не имѣетъ даже заключенія, въ которомъ были бы сведены воедино приведенныя въ ней данныя. Въ такомъ видѣ она является не изслѣдованіемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а сборникомъ сырыхъ матеріаловъ, которые, какъ указалъ и самъ авторъ, ожидаютъ еще обработки. Такимъ характеромъ настоящей работы объясняются и тѣ пропуски, о которыхъ мы говорили выше. Но изъ этого не

¹⁾ В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, стр. 231—500.

²⁾ Крестьянскій строй, т. 1, стр. 169—208. Ср. также „Исторію удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія. Т. II. Спб. 1901“, стр. 79—88 и 90—126.

слѣдуетъ, что настоящая статья не имѣетъ никакого научнаго значенія. Наоборотъ, даже въ такомъ видѣ она является весьма необходимымъ дополненіемъ къ печатному труду автора, такъ какъ не только специалистъ, но и просто образованный читатель можетъ извлечь изъ нея нѣкоторыя свѣдѣнія о социально-политическихъ взглядахъ В. Н. Каразина. Наконецъ, для изслѣдователя она явится полезнымъ подспорьемъ въ качествѣ систематическаго сборника матеріаловъ по данному вопросу. Во всякомъ случаѣ нужно думать, что авторъ не пуститъ въ печать эту статью въ такомъ видѣ,—рукопись его представляетъ черныкъ, требующій извѣстной обработки.

Кромѣ указанныхъ общихъ замѣчаній о статьѣ г. Тихаго, мы позволимъ себѣ отмѣтить еще одно частное положеніе, которое требуетъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторыхъ ограниченій. На страницѣ 599 своей рукописи авторъ говоритъ, что „политическимъ взглядамъ своимъ, въ существенныхъ частяхъ, Каразинъ не измѣнялъ во все время своей литературной дѣятельности, касающейся политики, т. е. отъ 1801 по 1826 годъ“. Это положеніе онъ основываетъ на цитируемыхъ имъ дальше словахъ Ф. В. Каразина, будто его отецъ „былъ всегда одинъ и тотъ же, придерживался постоянно однихъ и тѣхъ же правилъ, какъ въ нравственности, такъ и въ политикѣ“. Съ другой стороны, авторъ подкрѣпляетъ это положеніе аналогичными цитатами изъ произведеній В. Н. Каразина. Тѣмъ не менѣе мы должны упрекнуть автора за чрезвычайное довѣріе къ своимъ источникамъ, которые онъ не считаетъ нужнымъ сопоставить съ другими данными, имѣвшимися въ его распоряженіи. Не дальше, какъ на 612 страницѣ, онъ самъ ограничиваетъ выставленное имъ положеніе, говоря, что „убѣжденіе о необходимости большей неограниченности царской власти... явилось у В. Н. Каразина уже къ 1820 году“. Такимъ образомъ въ вопросѣ о характерѣ монархической власти, какъ видно и изъ словъ автора, и изъ приведенныхъ имъ цитатъ, взгляды Каразина въ разные періоды его жизни были не одинаковы. Но, не выходя даже за предѣлы данныхъ автора, мы должны будемъ признать, что выставленное имъ положеніе отличается чрезвычайной категоричностью и подлежитъ значительнымъ ограниченіямъ и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, В. Н. Каразинъ первоначально придавалъ большое значеніе избирательнымъ правамъ гражданъ, но впоследствии онъ смотрѣлъ на избраніе, какъ на зло (*стр.* 614—616). Значитъ, взгляды его измѣнились рѣзко и еще по одному политическому вопросу, который относится къ числу существенныхъ. Правда, политическіе взгляды В. Н. Каразина въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличались извѣстнымъ постоянствомъ, — гораздо больше эластичности обнаруживала его этика, и приводимая авторомъ выдержка изъ отзыва Ф. В. Каразина вслѣдствіе этого не можетъ быть принята безъ существенныхъ оговорокъ. Достаточно вспомнить его письма къ В. П. Кочубею: въ одномъ онъ возмущается, что отъ него требуютъ до-

носовъ ¹⁾, а въ другомъ, черезъ нѣсколько времени, выставяетъ обвиненія противъ Кюхельбекера и Пушкина ²⁾, не замѣчая сходства этихъ обвиненій съ доносами. Точно также матеріалы объ отношеніяхъ В. Н. Каразина къ гр. Аракчееву, приводимые авторомъ въ печатномъ трудѣ, показываютъ, что слова Ф. В. Каразина нельзя было принимать на вѣру, а такихъ примѣровъ можно подобрать у самого автора довольно много. Все это еще разъ подтверждаетъ нашу мысль о необходимости подробнѣе разработать вопросъ о личности В. Н. Каразина вообще и въ связи со всѣми данными о немъ выяснить также его политическія, социальныя и инныя воззрѣнія.

Рукописная статья „Исторія памятника В. Н. Каразина“ особаго научнаго значенія не имѣетъ и походить на официальные отчеты, читаемые обыкновенно по случаю открытія памятниковъ. Гораздо интереснѣе другая рукописная статья, озаглавленная „Кручикъ теперь“. Она представляетъ описаніе поѣздки автора въ Кручикъ и содержитъ рядъ любопытныхъ свѣдѣній о предметахъ, относящихся къ семьѣ Каразиныхъ и въ частности къ В. Н. Каразину, а также даетъ возможность познакомиться съ тѣми преданіями о В. Н. Каразинѣ, которыя сохранились у старожиловъ Кручика.

Четвертая рукописная статья не имѣетъ особаго заглавія. Она распадается на 7 главъ, которыя въ свою очередь раздѣляются на нѣсколько параграфовъ. Заголовки главъ слѣдующіе: 1) Политико-экономическія статьи. 2) Статистическія изслѣдованія. 3) Сочиненія, касающіяся просвѣщенія. 4) Историческія изслѣдованія. 5) Сочиненія по естествознанію: а) Метеорологія. б) Естественная исторія. в) Технологія. г) Домоводство. е) Сельское хозяйство. 6) Мелкія статьи. 7) Внѣшняя сторона сочиненій. Кромѣ того, авторъ даетъ особое оглавленіе для „отдѣловъ, принадлежащихъ исторіи с. Кручика и Слободско-Украинской губерніи“. Въ этомъ оглавленіи заключаются 13 рубрикъ. Несомнѣнно, настоящая статья является лучшей частью труда г. Тихаго. Хотя эта работа и носитъ чисто библіографическій характеръ, но авторъ не ограничивается простымъ изложеніемъ содержанія тѣхъ сочиненій, которыя написалъ В. Н. Каразинъ. Онъ отмѣчаетъ основныя идеи разбираемыхъ статей и прослѣживаетъ ихъ исторію въ другихъ трудахъ В. Н. Каразина. При этомъ эта статья отличается чрезвычайной полнотой и обильно снабжена библіографическими примѣчаніями. Наконецъ, авторъ сопроводилъ ее общимъ заключеніемъ о характерѣ сочиненій В. Н. Каразина, при чемъ даетъ рядъ любопытныхъ замѣчаній о творчествѣ Каразина. Вслѣдствіе этого заголовокъ послѣдней главы является слишкомъ узкимъ, такъ какъ содержаніе ея гораздо богаче, чѣмъ „внѣшняя сторона сочиненій“. Вообще, эта статья г. Тихаго

¹⁾ Сочиненія В. Н. Каразина, приготовленные къ изданію проф. Д. И. Багалъемъ, стр. 122.

²⁾ Ibid, стр. 154—156.

является весьма полезнымъ и цѣннымъ научнымъ трудомъ, и можно только пожелать, чтобы авторъ поскорѣе напечаталъ ее, такъ какъ небольшие дефекты въ изложеніи легко устранить.

Остановливаясь долго на недостаткахъ изслѣдованія г. Тихаго, мы вовсе не имѣли въ виду умалить научныя достоинства его труда. Наоборотъ, мы относимъ настоящую историко-біографическую монографію къ числу солидныхъ трудовъ въ этой области, а потому считали себя обязанными предъявить къ ней строгія требованія въ полной увѣренности, что она въ значительной степени удовлетворитъ имъ. Дѣйствительно, положительныя качества этого труда безусловно превосходятъ его отрицательныя стороны. Изслѣдованіе г. Тихаго является первымъ полнымъ изслѣдованіемъ о В. Н. Каразинѣ, дѣятельность котораго отличалась такимъ рѣдкимъ разнообразіемъ. Авторъ долженъ былъ изучить не только литературу о Каразинѣ, но также многочисленные источники по этому вопросу, разбросанные въ различныхъ изданіяхъ, и, нужно отдать ему справедливость, онъ весьма полно использовалъ печатный матеріалъ. Но онъ не ограничился этимъ и въ значительной степени основалъ свое изслѣдованіе на неизданныхъ источникахъ, при чемъ привлекъ такіе матеріалы, которые доступны далеко не всѣмъ ученымъ. Самое изложеніе предмета отличается обстоятельностью и почти исчерпывающей полнотой. При разсмотрѣніи спорныхъ вопросовъ онъ обыкновенно воздерживается отъ шаткихъ гипотезъ, стараясь основывать свои положенія на вполне точныхъ данныхъ. Въ приложеніи къ своей печатной книгѣ онъ даетъ весьма цѣнный библиографическій указатель, а въ рукописныхъ статьяхъ его мы имѣемъ еще очень полезный трудъ о научно-литературной дѣятельности В. Н. Каразина. Все это позволяетъ намъ признать изслѣдованіе г. Тихаго весьма полезнымъ вкладомъ въ русскую историко-біографическую литературу, которая далеко не изобилуетъ серьезными трудами.

Въ заключеніе намъ необходимо сказать, насколько трудъ г. Тихаго удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются „Положеніемъ о преміяхъ, учреждаемыхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія императора Александра II при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ“ къ научнымъ изслѣдованіямъ, представленнымъ къ соисканію этихъ премій. Настоящій трудъ, по своей темѣ, можетъ показаться не соответствующимъ требованіямъ, указаннымъ во 2—4 §§ „Положенія о преміяхъ“, потому что премии присуждаются за труды, которые имѣютъ „своимъ предметомъ какъ современное положеніе дѣла, такъ и историческое развитіе экономической дѣятельности въ данной мѣстности, или отдѣльныхъ отраслей промышленности и сторонъ народнаго хозяйства“. Но если вспомнить, что В. Н. Каразинъ былъ главнымъ инициаторомъ и работникомъ въ Филотехническомъ обществѣ, которое должно быть упомянуто во всѣхъ трудахъ по экономической исторіи Южной Россіи, то это уже даетъ извѣстный поводъ признать, что изслѣдованіе объ его жизни подходитъ

къ условіямъ, указаннымъ въ § 4 „Положенія“. В. Н. Каразинъ извѣстенъ также многочисленными практическими и теоретическими трудами въ той широкой области промышленности, которую онъ характеризовалъ словомъ „домоводство“. Кромѣ того, онъ написалъ рядъ статей и записокъ по политико-экономическимъ и финансовымъ вопросамъ и провелъ извѣстную реформу въ быту своихъ крестьянъ. Всѣ эти факты имѣютъ прямое отношеніе къ экономической жизни Южной Россіи. Въ изслѣдованіи г. Тихаго разсмотрѣнію ихъ удѣлено не мало мѣста, при чемъ это относится и къ его печатному труду, и къ четвертому рукописному приложенію. Такимъ образомъ трудъ г. Тихаго въ соответствующей части вполне удовлетворяетъ требованіямъ, изложеннымъ въ §§ 2—5 „Положенія о преміяхъ“, при чемъ „при тѣсныхъ предѣлахъ задачи, поставленной себѣ авторомъ“, въ немъ дана „полная и разносторонняя обработка предмета“. На основаніи этихъ соображеній онъ можетъ быть допущенъ къ соисканію премій, учрежденныхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія императора Александра II при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу всего сказаннаго выше мы полагаемъ вполне справедливымъ присудить за изслѣдованіе г. Тихаго о жизни и дѣятельности В. Н. Каразина половинную премію въ размѣрѣ 500 рублей.

Приватъ-доцентъ В. Данилевичъ.

